

Jack London

Закон жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л76

Л76 **Лондон Д.**
Закон жизни / Jack London – М.: Книга по Требованию, 2021. – 270 с.

ISBN 978-5-517-86002-6

ISBN 978-5-517-86002-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАКОНЪ ЖИЗНИ.

ЗАКОНЪ ЖИЗНИ.

Старый Коскуцъ жадно слушалъ. Хотя зрѣніе давно уже измѣнило ему, но слухъ былъ еще тонокъ, и малѣйшій звукъ явственно проникалъ въ мерцающій разумъ, грепетавшій еще позади его сморщенного лба.

А! это Сить-Кумъ-Га-Га рѣвкимъ голосомъ кричитъ на собакъ, надѣвая на нихъ упряжь. Сить-Кумъ-То-Га—дочь его дочери. но она теперь слиткомъ занята, чтобы подумать о своемъ дряхломъ дѣдѣ, сидящемъ одиноко на снѣгу, всеми забытомъ и безпомощномъ. Таборъ снимается съ мѣста. Ихъ ждетъ впереди длинная дорога, а короткій день отказывается ждать. Ее зоветъ жизнь и обязанности къ жизни, а не къ смерти. А онъ теперь близокъ къ смерти.

Мысль эта на мгновеніе вызвала въ немъ панической ужасъ, и онъ протянулъ нѣмѣющую руку и сталъ дрожащими пальцами ощупывать небольшую кучку дровъ, лежавшихъ возлѣ него. Убѣдившись, что дрова дѣйствительно здѣсь, онъ спряталъ руку въ свою заскорузлую мѣховую одежду, и снова сталъ слушать.

Глухой, характерный шумъ полузамерзшихъ кожъ сказалъ ему, что теперь разбирали юрту на-

чальника, и складывали и ужимали оленьи шкуры, чтобы удобнѣе уложить ихъ на сани. Начальникъ былъ его собственный сынъ, сильный, храбрый предводитель своего племени и неутомимый охотникъ. Пока женщины трудились надъ укладываніемъ пожитковъ лагеря, онъ то-и-дѣло кричалъ на нихъ, бранилъ ихъ и торопилъ. Старый Коскушъ напрягъ свой слухъ: это онъ въ послѣдній разъ слышитъ голосъ своего сына. Затѣмъ убрали юрту Гигова, затѣмъ Тускэна. Семь, восемь, девять; еще могла остаться только юрта шамана. А, вотъ! Теперь они складываютъ и ее. Онъ слышалъ, какъ ворчалъ шаманъ, увязывая ее на сани. Послышался плачь ребенка, и женщина стала успокаивать его нѣжной, гортанной мелодіей. Это маленькій Ку-Ти, подумалъ старикъ, очень беспокойный ребенокъ и не очень крѣпкій. Онъ, вѣроятно, скоро умретъ и они выжгутъ дыру въ замерзшей тундрѣ и набросаютъ камней сверху нея, чтобы уберечь тѣло отъ росомахъ. Эхъ, не все-ли равно! Что ожидало бы его въ жизни? Въ лучшемъ случаѣ нѣсколько лѣтъ голоднаго существованія. И въ концѣ его—все-таки смерть, вѣчно голодная, голоднѣе ихъ всѣхъ...

Что это такое? А, это мужчины туго стягиваютъ ремни на саняхъ. Онъ съ особенной жадностью ловилъ эти послѣдніе звуки. Удары бичей, рычанье собакъ. Слышите, какъ онѣ воютъ! Какъ онѣ ненавидятъ работу и упряжь! Тронулись!.. Одиѣ за другими сани скрипѣли, шуршали по снѣгу и удалялись въ Безмолвіе. Уѣхали. Они ушли изъ его жизни, и онъ долженъ былъ встрѣтить послѣдній, горькій часъ въ полномъ одиночествѣ. Нѣтъ...

Снѣгъ захрустѣлъ подъ чѣпми-то мокасинами; передъ нимъ стоялъ человѣкъ; на его голову ласково легла чья-то рука. Какъ хорошо, что сынъ сдѣлалъ это! Онъ припомнилъ другихъ стариковъ, сыновья которыхъ не оставались позади племени. Но его сынъ остался. Онъ погрузился въ воспоминанія, пока голосъ молодого человѣка не вернулъ его къ дѣйствительности.

— Хорошо тебѣ?—спросилъ онъ.

И старикъ отвѣтилъ:

— Хорошо.

— Около тебя дрова,—продолжалъ молодой,—и пламя будетъ горѣть ярко. Утро сѣро и морозъ спалъ. Скоро пойдетъ снѣгъ. Даже сейчасъ уже идетъ.

— Да, даже сейчасъ идетъ.

— Наши спѣшатъ. Ихъ грузъ тяжелъ, а животы подтянуты отъ недостатка пищи. Путь далекъ, и они ѣдутъ быстро. Я теперь иду. Все хорошо?

— Хорошо. Я, какъ послѣдній листъ на деревѣ, еле держусь на стеблѣ. Первое дыханіе вѣтра, и я упаду. Мой голосъ сталъ, какъ у старухи. Мои глаза не видятъ больше пути. И мои ноги тяжелы, и я усталъ. Все хорошо и правильно.

Онъ наклонилъ голову въ знакъ удовлетворенія и сидѣлъ такъ, пока послѣдній звукъ скрипящаго снѣга не замеръ вдали, и онъ зналъ, что его сынъ уже не услышитъ его зова. Тогда его рука снова поспѣшно нащупала дрова. Только эта кучка дровъ стояла теперь между нимъ и зівшей передъ нимъ вѣчностью. Наконецъ, мѣркою его жизни стала только охапка сучьевъ. Одинъ за другимъ они поѣ-

дутъ въ пищу огню, и точно такъ же, шагъ за шагомъ, будетъ смерть подкрадываться къ нему. Когда послѣднее долѣбно отдастъ ему свое тепло, морозъ начнетъ забирать его въ свою власть. Прежде всего сдадутся его ноги, затѣмъ руки; затѣмъ оцѣпенѣніе медленно распространится отъ его конечностей по всему тѣлу. Его голова упадетъ между колѣнъ, и онъ успокоится. Это не страшно. Всѣ люди должны умереть.

Онъ не жаловался. Это былъ законъ жизни, и законъ правильный. Онъ родился на землѣ, близко, вплотную къ землѣ прожилъ жизнь, и законъ жизни не былъ поэтому новостью для него. Это былъ законъ всякой плоти.

Природа сурова къ плоти. Она не считается съ той конкретной вещью, которая называется личностью. Ее интересуютъ только виды и расы. Это была самая глубокая абстракція, на которую былъ способенъ варварскій умъ Коскуша, но онъ вполне овладѣлъ ею. Онъ видѣлъ ее на примѣрахъ во всей окружающей жизни. Онъ наблюдалъ, какъ поднимались соки въ растеніи, какъ распускалась почка ивы, какъ падали желтые листья, и въ этомъ была ясна вся исторія. Но природа задала каждому индивидууму опредѣленную работу. Когда онъ не исполнялъ ее, онъ умиралъ. Но если онъ и исполнялъ ее, то онъ все равно умиралъ. Природу это не заботило; многіе были послушны, но въ этой области только послушаніе, а не тѣ, кто были послушны, жило и жило всегда. Племя Коскуша было очень древнее. Старики, которыхъ онъ зналъ, когда былъ мальчикомъ, знали другихъ стари-

ковъ, когда сами были дѣтьми. Поэтому было вѣрно, что племя жило, потому что всѣ его члены были послушны природѣ и находились въ послушаніи давно, давно, съ незапамятныхъ временъ, такъ что даже мѣсто упокоенія его первыхъ членовъ было неизвѣстно. Они не шли въ счетъ: они были только эпизодами. Они проходили, какъ проходятъ лѣтомъ облака по небу, — онъ тоже былъ эпизодомъ и долженъ былъ пройти и уйти. Природѣ было все равно. Жизни она задала одну задачу, дала одинъ законъ. Продолжать родъ было ея задачей, ея закономъ была смерть. Дѣвушка была прекраснымъ созданиемъ, на которое пріятно было смотрѣть: съ высокой грудью, съ упругой поступью и блескомъ въ глазахъ. Но ея задача еще лежала передъ нею. Блескъ въ ея глазахъ усиливался, ея поступь ускорялась, она была теперь то смѣла съ молодыми людьми, то робка, и заражала ихъ своимъ безпокойствомъ. И она становилась все прекраснѣе и прекраснѣе до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь охотникъ, не будучи въ силахъ больше сдерживаться, не бралъ ее въ свою юрту, чтобы она варила ему пищу и работала для него, и чтобы она стала матерью его дѣтей. И когда появлялись ея дѣти, то ея красота покидала ее. Ея ноги еле передвигались, ея глаза тускнѣли и гноились, и только маленькимъ дѣтямъ, сидя передъ костромъ, нравилось еще прижиматься къ сморщенной щекѣ старей женщины. Ея задача была выполнена. И, спустя нѣкоторое время, при первомъ появленіи голода, или при первомъ длинномъ путешествіи, ее оставляли, какъ оставили его теперь, въ снѣгу, съ небольшою кучкой дровъ. Таковъ законъ.

Онъ положилъ полѣно въ огонь и снова сталъ размышлять. Такъ было всюду, со всѣми животными тварями. Москиты пчезали съ первымъ морозомъ. Маленькія древесныя бѣлки сползали на землю и умирали. Когда годы отягощали кролика, то онъ становился неловкимъ, не могъ быстро бѣгать и уходить отъ своихъ враговъ. Даже большой «голомордый» медвѣдь дѣлался неуклюжимъ, слѣпымъ и сварливымъ, и, въ концѣ-концовъ, его застреливала кучка визжащихъ собакъ. Онъ вспомнилъ, какъ онъ зимою покинулъ своего собственного отца на верхнемъ Клондайкѣ, какъ разъ передъ тою зимою, когда пришелъ миссіонеръ съ своими разговорами и книжками и ящиками съ лѣкарствами. Много разъ Коскушъ облизывалъ губы при воспоминаніи объ этомъ ящикѣ, хотя сейчасъ его ротъ отказывался, по обыкновенію, наполняться слюною. Бутылка «болеутолителя» была особенно вкусна. Но миссіонеръ былъ въ концѣ-концовъ обузою, потому что онъ не приносилъ мяса въ лагерь, а ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, и охотники ворчали на него. Но онъ простудилъ легкія на перевалѣ, и потомъ собаки стащили камни, покрывавшіе его тѣло, и долго дрались изъ-за его костей.

Коскушъ положилъ еще одинъ сукъ въ огонь и еще глубже погрузился въ воспоминанія. Ему вспомнилось время Великаго Голода, когда старики, скорчившись, сидѣли съ пустыми животами вокругъ огня и рассказывали старыя преданія о далекихъ временахъ, когда Юконъ, не замерзая, катилъ свои воды въ теченіе трехъ зимъ и затѣмъ оставался замерзшимъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Онъ

потерялъ свою мать во время этого голода. Лѣтомъ уловъ лососины былъ плохъ, и племя ждало зимы и прихода сѣвернаго оленя. Но пришла зима, а олень не пришелъ. Ничего подобнаго не случалось раньше, даже во времена стариковъ. Но олень не пришелъ, и это было уже на седьмой годъ, и кролики не плодились, и собаки превратились въ скелеты, обтянутые кожей. И въ теченіе долгаго мрака (зимы) дѣти плакали и умирали, а также и женщины и мужчины, и даже одинъ человекъ на десять не выжилъ, чтобы встрѣтить солнце, когда оно снова вернулось къ нимъ весною. Вотъ это былъ голодъ!

Но онъ видѣлъ и времена довольства, когда мясо портилось у него на рукахъ, и собаки были жирны и не могли работать отъ жира; времена, когда дичь уходила отъ нихъ цѣлой и невредимой, и женщины были плодовиты, и юрты были полны кричащихъ младенцевъ и мужского пола, и женскаго. Тогда мужчины становились толсто-брюхими, и оживали старыя ссоры, и люди переходили переваль и шли на югъ убивать воиновъ Пелли, и къ западу, чтобы сидѣть у костровъ убитыхъ ими въ битвѣ Танановъ. Онъ вспомнилъ, что когда онъ былъ еще мальчикомъ, однажды, въ это время довольства, онъ увидѣлъ, какъ волки загнали оленя. Зинъ-Ха лежалъ съ нимъ на снѣгу и наблюдалъ—тотъ Зинъ-Ха, который сталъ впоследствии самымъ ловкимъ охотникомъ и который, концѣ концовъ, упалъ въ прорубь на Юконѣ. Или его только мѣсяць спустя; онъ наполовину ѣлъ изъ проруби и примерзъ ко льду. Такъ

ПОЖАЛУЙСТА

Не перегибайте книгъ при чтеніи.

вотъ, Зинъ-Ха и онъ выпли въ такой день поохотиться, по примѣру своихъ отцовъ. На рѣкѣ они наткнулись на слѣдъ оленя и вмѣстѣ съ тѣмъ на слѣды множества волковъ. «Это старый олень», сказала Зинъ-Ха, который лучше умѣлъ читать слѣды, «старый и отбился отъ стада. Волки отрѣзали его отъ его братьевъ и больше его не оставятъ». И такъ оно и было. Это была ихъ манера. Ночью и днемъ, никогда не отдыхая, рыча сзади него и щелкая зубами передъ его носомъ, они не оставляли его до самаго конца. Какъ Зинъ-Ха и онъ почувствовали, что кровь закипѣла въ ихъ жилахъ! Увидѣть конецъ борьбы было такимъ интереснымъ зрѣлищемъ!

Они бросились бѣжать по слѣдамъ, и даже теперь онъ, Коскушъ, почти слѣпой и неискусный ходокъ, могъ бы итти по этому слѣду, до того онъ былъ широкъ. Съ жаромъ слѣшили они по слѣдамъ преслѣдователей, читая на каждомъ шагу мрачную, свѣже-написанную трагедію. Вотъ они пришли къ тому мѣсту, гдѣ олень сдѣлалъ остановку. Снѣгъ въ длину тройного человѣческаго роста по всѣмъ направленіямъ былъ утопанъ и взрыхленъ. Посрединѣ этого пространства были глубокіе слѣды копытъ животнаго, а вокругъ всюду видѣлись болѣе легкіе слѣды волковъ. Одинъ изъ нихъ, пока его братья старались убить свою добычу, легъ на бокъ и отдыхалъ. Отпечатокъ его тѣла въ снѣгу сохранился до того отчетливо, точно былъ сдѣланъ за моментъ передъ этимъ. Одинъ волкъ попался подъ ноги во время дикой схватки съ разсвирѣпѣвшей жертвой, и былъ за-